

Юлия Друнина
—
Ветер с фронта
Стихотворения

Москва
2024

Юлия Друнина
—
Ветер с фронта
Стихотворения

Москва
2024

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
Д76

Друнина, Юлия Владимировна.

Д76 Ветер с фронта : стихотворения / Юлия Друнина. —
Москва : Эксмо, 2024. — 288 с. — (Яркие страницы).

ISBN 978-5-04-198857-9

Юлия Друнина — фронтовичка, знаменитая советская поэтесса, мастер высокого лирического дара, известная не только своими страшными и правдивыми поэтическими свидетельствами о Великой Отечественной войне («Кто говорит, что на войне не страшно, / Тот ничего не знает о войне»), но и замечательными стихотворениями о любви, поэмами, прозой, гражданской лирикой. В настоящее издание включены избранные стихотворения и поэмы Юлии Друниной, а также автобиографическая проза «С тех вершин».

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-04-198857-9

© Друнина Ю.В., наследники, 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ПОВЕСТЬ О ЮЛЕ

...Март, первые дни весны, удивительный март 1947 года! Меня срочно вызвали в Москву, я лечу из Силезии, где уже первая капель, в неоттапливаемом самолете, как в брюхе замороженной рыбы, зуб на зуб не попадает, а в душе я ликую, потому что завтра открывается Первое! Всесоюзное! Совещание молодых писателей! Я предвкушаю встречу с ровесниками, однополчанами по жизни и стихам, два или три человека из них мне знакомы лично, многие по строчкам, но, конечно же, будут и прекрасные неожиданные узнавания и знакомства.

Почти два года, как мы отпраздновали, отгоревали Победу, а все-таки еще спрашиваешь себя: неужто живой? «Война — жесточе нету слова... в тоске и славе этих лет. И на устах у нас иного еще не может быть и нет» (А. Твардовский). Мы — все те, что встретимся на совещании, — уже заочно ощутили себя как бы представителями поколения, его поэтами, в каких бы жанрах ни выступали, его глашатаями. Все тяжелое позади, верится только в светлое, будущее кажется ослепительным. Мы даже представить себе не можем, что через недолгое время, спустя год или два, начнутся «проработки», а потом, глядишь, через сорок лет иные возвестят, что нас как поколения вообще нет, мы «растоптаны войной», не знаем «окопной правды», а то и вовсе умирали

и мыкались по госпиталям чуть ли не понарошку, как бы не взаправду. И от лица всех вас, живых и мертвых, поэту Юлии Друниной с трибун двух писательских съездов, в «Литгазете» и журнале «Знамя» придется громко и нервно выступать в защиту «детей сорок первого года». Именно ей, потому что, как никто из нас, Юля высоко и неуклонно несет знамя фронтового поколения.

А пока я еще только лечу в Москву — как выяснится, чуть ли не единственный в армейских погонах, — предвкушаю встречи и думаю о нашей общей судьбе. Милые вы мои, дорогие мои «лицеисты», мальчики и девочки Великой Отечественной! Не знаю, весомы ли наши таланты, бессмертны ли строчки, но есть в нас великое чувство единства, дружества, верности. Я сравнил бы его с птицей Феникс, воскресшей из пепла, но оно никогда не умирало, и нет в мире того огня, что мог бы его испепелить. Конечно, мы все в каком-то смысле романтики, мы под ржавыми от ожогов и крови гимнастерками ухитрились сохранить в себе нечто, решусь произнести, рыцарское. Мы, наверное, не бытописатели (если страшное бытие войны можно назвать бытом), для нас был как бы первичен дух и вторична материя. Много позже я напишу: «Солдаты не ангелы, они матерятся и ползают по-пластунски, но... вонючая грязь облепляет локти, коленки, щеки, только не сердца». Готов и сегодня подписаться под этими словами, и пусть сытые, не повидавшие войны, более молодые люди воспользуются удобной мишенью, дабы бросить камень. Нет, в ту пору, говоря о солдатах —

Мы никогда не разрешили бы
Упомянуть — хоть в кратком слове —
О том, что их шинели вшивые
И сабли в ржавых пятнах крови.

Евг. Долматовский

Не удивляйтесь, что я так много рассказываю и размышляю о всех нас, прежде чем перейти непосредственно к Юлии Друниной. Не зная времени и среды, которые сформировали поэта, читателю затруднительно в полной мере проникнуть в его творчество. А Друнина, как я уже говорил, несомненно, сегодняшней знаменосец поколения.

Еще несколько слов о поэтах первого послевоенного слета. Не поймите меня так, что мы предпочитали «высокие слова» — «оконной правде». В книге, что сейчас перед вами, вы увидите самые жестокие и правдивые реалии войны. Но вспомните виденные наяву, с экрана, вычитанные из книг празднества Победы и возвращения. Что запомнилось прежде всего? Конечно же, ликование! Вы запоздало ужаснетесь тому, какой ценой за него заплачено. Так вот, мы знали, на себе испытали, какова цена: разве что единицы вернулись без единой царапины, а уж из солдат сорок первого года если кто и дошел, то с нашивками за ранения — к примеру, та же Юлия Друнина. И первой нашей задачей — для себя, для собственной души, не по приказу, не из соображения насчет цензуры или карьеры — было показать, *что* привело нас к Победе. Произнесу три слова с заглавных букв: Любовь, Мужество и Вера.

Итак, самолет приземляется, вот я вхожу в Дом пионеров, в старинный особняк на улице Стопани. Объятия, знакомства, хлопанье по плечу, несусветный гам. Господи, какие это были драгоценные ребята — Алеша Недогонов, Семен Гудзенко, Вероника Гушнова, Сережа Орлов, Миша Луконин, Иосиф Нонешвили, Владос Мозурюнас, Марк Максимов, Сергей Наровчатов, Михаил Львов!.. Нет, все это горестно, горестно, они отшумели, ушли, обниму живых: Михаила Дудина, Николая Старшинова, Мустая Карима, Василия Субботина, Сильву

Капутикян, Расула Гамзатова, Якова Козловского, Платона Воронько... Список живых и мертвых куда как неполон (я не назвал прозаиков: Сергея Антонова, Олеса Гончара, Юрия Нагибина и многих других), — и пусть вы уже устали от перечисления имен, но разве мыслима без них советская литература, ее сегодняшний день?

Вдруг я увидел беленькую — золотистую — девочку. Она держалась чуть отстраненно, ее вроде бы оглушали громкоголосые размашистые парни. Руку подала неуверенно, лопаточкой, или, точнее, дощечкой, сказала: «Юля». Я пригляделся: наша, фронтовичка! И в одежде что-то из армейского — выстиранного, перешитого, — и рука потому неуверенная, что больше привыкла козырять (у меня тоже после войны пальцы то и дело держались к виску). Санитарочка или связистка, никак не из штабной obsługi. Но на вид уж больно молоденькая, вряд ли в досталь хватила фронтового лиха.

Даю слово, я вздрогнул, когда услышал стихотворение всего в четыре строчки:

Я только раз видала рукопашный.
Раз — наяву и сотни раз во сне.
Кто говорит, что на войне не страшно,
Тот ничего не знает о войне.

Вряд ли кто-нибудь из нас, парней, осмелился бы и сумел так сказать всю правду — открыто, мужественно и беззащитно.

Жила-была девочка. В Москве, в учительской семье, в нормальной для тех лет коммунальной квартире. Понятно, что читать стала рано — от Лидии Чарской (цитирую из Литературной энциклопедии: «соч<инения> Ч. характеризуются сентиментальностью, аффектированностью, слащавостью») до «Одиссеи» Гомера. Писала стихи, которые однажды даже напеча-

тала «Учительская газета», и — невероятно для дней сегодняшних! — о стихотворении был хвалебный абзац в статье.

Время было, скажем так, странное. Рассекреченные сегодня «белые пятна» истории оказываются зловещего цвета. Но — полет Чкалова, полярная троица Папанина, Магнитка и Днепрогэс, Халхин-Гол и Испания... В семьях, особенно среди интеллигенции, где родители о многом если не знали, то догадывались, детей усиленно оберегали от изнаночных сторон жизни. Отцы и матери всеми силами старались, чтоб детям было легко и светло. Не берусь сейчас судить, верно или неверно поступали старшие, только, как говорится, такова была се ля ви. И подрастало поколение, о котором Юлия Друнина говорит: «Вполне закономерно, что в трагическом сорок первом оно стало поколением добровольцев...»

22 июня, только получив паспорт, девочка прибежала в райвоенкомат.

Дальше перечислю конспективно, подробности изложит вам в книгах она сама.

Сандружинница — сначала в Москве, потом на строительстве окопов и противотанковых рвов. Первая бомбежка, первый минометный налет, ошеломление (а раненых все-таки перевязывала), беспорядочный и страшный «драп» с нашими отступающими солдатами. А дальше — санитарка, одна на весь пехотный батальон, окружение и выход из него в ближнем Подмоскowie.

Это были тяжкие, бестолковые, мучительные дни середины октября. Я хорошо их помню, потому что именно тогда и я выходил из окружения, и на рассвете самого критического 16-го числа оказался в Москве. Утром радио сообщило, что гитлеровские войска прорвали нашу оборону под Можайском и Волоколамском. А дальше только играла музыка, кратко сообщались бое-

вые эпизоды, и сводки Совинформбюро становились все невнятнее. Когда мой пригородный поезд остановился у Рижского вокзала, Юля вместе с отцом уезжала в эшелоне на восток с Ярославского.

Друнины поселились «в глухом таежном поселке Заводоуковке». Теперь это город Заводоуковск, там есть довольно солидные предприятия, и все равно в общем-то глухомань, особенно если сравнить с ближней Тюменью.

Вот написал я «Друнины» и подумал: а все-таки в русской речи есть какие-то загадочные фонетические или топонимические сближения. Вот хотя бы фамилия поэтессы. Ясно слышится в ней слово «друг», и ведь поистине друга такой надежности, постоянства, готовности выручить, прийти на помощь встретишь не часто. То-то друзья детства и ранней юности именовали подружку не «Юля», а — «Друня».

Все-таки из тюменской глухомани, преодолев труднейшие препятствия, через военные курсы на Дальнем Востоке, похоронив в Заводоуковке отца, чуток послужив писарем в Главсанупре Военно-воздушных сил, Юля *пробилась* на фронт. Я думаю, у нее было ощущение, что фронт без нее неполный. Это лишь на первый взгляд, и то через десятилетия, выглядит немного смешно, а на самом деле нам всем (я говорю о поэтах поколения) так казалось. «Два с лишним года понадобилось мне, чтоб вернуться в дорогу мою пехоту», — пишет Юлия Друнина.

В любимой своей пехоте она снова стала... напишу по-старинному: сестрой милосердия. Сейчас как бы воскресло это слово — «милосердие»; по-моему, мы даже успели его поистрепать. Впрочем, в мирные дни милосердным быть не так уж сложно. На фронте, на передовой, под немилосердным огнем врага это куда как труднее.

Получены — почти подряд — медаль «За отвагу», самая что ни на есть солдатская, и — ранение, «осколок застрял рядом с сонной артерией». Непригодна к военной службе «с исключением с учета». Впрочем, нет худа без добра — всю записались стихи, даже в Литературный институт попыталась поступить, однако тут-то у нашего солдатика дело и сорвалось. Куда теперь? Домой. А где дом? На фронте. Помните, как Василий Теркин добирается в свою часть — «Вот и дома, у огня».

Юлия Друнина вернулась туда с повышением — старшина медслужбы. А служба все та же — сестра милосердия. Только не в пехоте, а у самоходчиков. И снова «негоден к несению военной службы», потому что сказала сначала показавшаяся пустячной контузия.

Литературный институт Юля взяла приступом. Просто вошла и села в аудитории. А потом, как она пишет, «прижилась» и сдала сессию. На войне, как на войне.

Друнина заканчивает свои страницы автобиографии «С тех вершин» на той вехе, с которой я начал свою повесть — 1-е Всесоюзное совещание молодых писателей. Вскоре после него мы с ней в один день были приняты в наш Союз.

Так что о Юле как о человеке, о личности мне дальше рассказывать почти нечего, вы все сами прочтете в стихотворных и прозаических строчках. Надо поговорить о *поэте* Юлии Друниной, но мы сделаем это чуть позже.

А пока — несколько слов о ее спутнике, бережно и нежно поддерживавшем Юлю на поворотах и ухабах многие годы совместного пути. Алексей Яковлевич Каплер, сценарист и прозаик, учитель и наставник многих творцов советского кино (вы должны его помнить хотя бы по фильмам «Ленин в Октябре», «Ленин в 1918 году»), был безоговорочно и во всем красивым человеком. Однажды я сказал Юле: «Он стянул с тебя солдатские

сапоги и переобул в хрустальные туфельки»; она, смеясь, подтвердила. Он умер, если судить по возрасту, в годах почти преклонных, но постареть ему до самого конца так и не удалось. Многие стихи и поступки Юлии Друниной как бы хранят отблеск яркой личности Алексея Каплера, знавшего славу и воркутинскую опалу, взлеты и неудачи, но всегда идущего прямой дорогой совести рядом с другом и женой.

Поклонимся его памяти.

Однажды я читал стихи где-то на Тюменском севере. В нашей бригаде писателей значилась и Юлия Друнина, но она из Тюмени повернула на юг, в Заводоуковск, навестить могилу отца.

Слушали меня молодые ребята, рабочие-нефтяники. И попросили прочитать хоть одно стихотворение Друниной, если что-то помню наизусть.

— Зачем? — спросил я. — Это же не про вас.

— Как не про нас? — возмутился рыжеволосый парень. — Вот именно что про нас.

К счастью, многие стихотворения Юли накрепко сидят в моей памяти. Я прочитал примерно десяток под мощные и благодарные аплодисменты.

В чем же секрет популярности поэта? Она никак не подкреплена восторженной критикой и безотказно действующей рекламой телеэкрана. Никаких формальных новаций, изысков ловкого ума вы у Друниной не найдете. Зачастую явственна публицистическая нота, а читатель давно приобрел иммунитет к прямолинейной речи. Опять же стихи «про войну» поднадоели, хотя, скажем к слову, у поэта множество строк, никак не относящихся к войне. Но генеральная линия объявлена в стихотворении 1978 года:

Я порою себя ощущаю связанной
Между теми, кто жив
И кто отнят войной.

А. Т. Твардовский любил говорить, что многие стихотворцы знают лишь «малые секреты» поэзии. Стало быть, есть еще и большие секреты. Один из них — быть может, главный — определил М. А. Светлов, сказавший: «Стихи должны быть инфекционными». Ну хорошо, Светлову это удалось, а что делать нам, грешным? Как добиться, чтобы стихи брали читателя за сердце?

Наверно, необходимы две вещи: талант и твое личное сопереживание во всей жизни, во всем многообразии бытия и существования народа. Если пользоваться фронтовыми терминами — поэт должен быть на передовой без права ухода или демобилизации.

Говоря о другом поэте, Юлия Друнина сказала, как мне кажется, и о себе:

Твой голос — тихий, как сердцебиенье.
В нем чувствуется школа поколенья,
Науку скромности прошедших на войне —
Тех, что свою «карьеру» начинали
В сырой землянке — не в концертном зале,
И не в огне реклам — в другом огне...

Есть поэты — трибуны: я им аплодирую, порой завидую. Есть мастера, умеющие работать на редкость изящно; в давние года вся ныне «художественная» называлась изящной литературой. Но мне как-то дороже друг, душевный и надежный собеседник, который запросто приходит ко мне, и оба мы беседуем, как говорят в Одессе, за жизнь. Он говорит о том, что его больше всего волнует, но как-то угадывает и то, что тревожит меня, у нас происходит какое-то взаимопроникновение. Я приведу сейчас стихотворение, где Юлия Друнина обращается к любимому, но оно вполне могло быть адресовано и просто другу-читателю. Замечу, кстати, что при интонации вроде бы покорной, женской тут проглядывается и солдатский характер поэта:

Я тебе примерно по плечу —
И в прямом, и в переносном смысле.
Наклонись, погладить я хочу
Волосы, что надо лбом нависли.

Вот стоишь ты, голову склоняя
(Так к земле склоняются знамена),
И хоть во сто раз сильнее меня,
Кажешься сейчас незащищенным...

Надо, необходимо сию же минуту защитить! Вот в чем все дело. На войне надо было защищать Отечество, если не всю планету. Сегодня поэт воюет, обороняется, наступает — за человека! Ведь сколько напастей: угроза атомной гибели, скользкая петля в руках бюрократа и карьериста, людское разобщение и невнимание к ближнему, да и просто забвение... Так или иначе, обо всем этом сказано в стихах Друниной — впрямую, строкой, намеком. Ведь и фронт все помнится ей не боевыми эпизодами, а примером братства, высокой, огнем испытанной дружбой — отсюда «инфекционность» стихотворений, формально могущих числиться по департаменту военной поэзии.

Честно говоря, мне очень не хочется заполнять предисловие цитатами или пересказывать стихи прозой, когда теряется нерв стиха, т. е. интонация. Не хочется прибегать и к оценочным категориям: вступительное слово не должно быть как бы предварительной рецензией. Надо передать лишь свое ощущение всего творчества поэта и попытаться дать читателю какие-то ориентиры на предстоящем ему пути по строчкам книги.

Духовная высота, солдатская дружба, взаимовыручка, мужество — все это для Юлии Друниной не просто однажды пережитое и обретенное, но и точка отсчета. Позволю себе сказать, что планка поднята весьма — в нравственном смысле — требовательно. Именно по

этому уровню проверяется все: собственные поступки и поведение друзей, своя и чужая любовь (вы прочтете у Друниной лирические стихи — по-моему, прекрасные). Даже когда ей очень грустно, когда круто дает о себе знать усталость, груз нелегких прожитых лет, — все равно поэт неустанно проверяет себя: не сдался ли, не поступился ли чем-то главным. Вот, к примеру, Друнина очень внимательна к нынешним молодым, особенно к девушкам, она их попросту любит и очень на них надеется — но и тут, впрямую или подспудно, деталью, намеком звучит: держите ли вы равнение на тот «запас прочности» (заглавие одного из стихотворений), что заложен поколением фронтовиков?

Перед вами возникнут самые разные географические точки Родины, пройдут и чужие земли и города. Но везде и всюду будет один человек — ни в коем случае не турист, всегда соучастник или, на крайний случай, заинтересованный собеседник. К стихам Друниной удивительно подошли бы в качестве эпитафии слова Маяковского: «Это было с бойцами или страной, или в сердце было в моем». Только, пожалуй, здесь надо сменить «или» на «и»: это было с бойцами и в моем сердце. А страна — не одна лишь Россия — «имя ближе, чем Россия, не могла сыскать» — не один Советский Союз, но и Зарубежье. По касательной ли, напрямик или вроде бы мимоходом, а к сердцу поэта все прикоснулось.

Я все-таки еще раз вернусь к памяти поколения — вернее, к тому из нас, кто был для Юли самым верным и постоянным другом. Его имя не раз упомянуто в стихах, ему посвящены большие подборки. Речь идет о поэте Сергее Орлове. Если вам доводилось видеть его портреты, то прежде всего вы, конечно, запомнили бороду, почти рыжую, в последние годы его жизни чуть тронутую сединой. Носить бороду он был вынужден,

потому что дважды горел в танке, сквозь шрамы ожогов из островков живой кожи пробивалась щетина — сбрить ее можно было, лишь выковыривая уголком лезвия. Я счастлив назвать его здесь, он был и моим близким другом.

Загрустив однажды почему-то,
«Есть ли дружба?» —
Ты меня спросил.
Эх, Сергей!
Когда б хоть на минуту
Выходили люди
Из могил!

Ты забыл бы
О любой обиде,
Ты б ничьей
Не вспоминал вины,
Потому что с нежностью увидел,
Как тебе
Товарищи верны.

В чем-то самом главном — наверное, именно в верности устоям поколения, открытости, отношении к поэзии (не собственной, а той великой, что пишется с заглавной буквы) — Юля и Сережа очень похожи друг на друга...

Придется, истины ради, сказать и о том, что мне лично в творчестве Юлии Друниной не слишком по душе. Иногда она становится в не свойственную ей — и потому валютную — позу проповедника. Или даже проще — поэта подменяет журналист, приученный к пропагандистским «блокам», особенно на международную тематику. Нарушена какая-то грань — и на смену гражданственности поэта в строчки врывается набившая оскомину риторика. К счастью для Юлии Друниной, так случается нечасто, это для нее, как говорится, нетипично. Я высказывал Юле свои упреки — не скрою их и от вас.

Всех нас, все наше поколение преследует, пронизывает постоянное чувство вины и ответственности перед павшими в бою — и после боя («...От старых ран умрем», — писал Семен Гудзенко) — однополчанами и ровесниками. Вот уже старыми стали, да и вообще «Нас так мало осталось, нас почти уже нет» (Михаил Львов). «... Но все же, все же, все же...» (А. Твардовский). Даже в далеких, казалось бы, от этой темы стихах и прозаических произведениях Юлии Друниной вы ощущаете ее, что ли, подотчетность перед ушедшими. Иногда это проявляется в совершенно неожиданных обстоятельствах. Вот есть у Друниной прелестная маленькая повесть «Алиска», написанная прозой. Она всего лишь про лисенка, которого приручили, но не уберегли. Конечно, тут зверушка, не человек, да и происходит все в мирной домашней обстановке. А вот читаешь — и ловишь себя на мысли, что это своеобразно (автор, быть может, и сам о том не ведает) преломилась наша общая вина перед теми, кто сам уже защититься не может. «Страшно подумать, что... навеки для тебя потерянное существо... не смог уберечь». Я привожу разорванные кусочки фразы, чтобы вы увидели приметы постоянного для поэта чувства. Никуда не уйти от него, и, пока мы живы, оно щемит сердце.

За пределами книги осталась общественная деятельность Юлии Друниной. В какой-то мере эта сторона жизни поэта отозвалась и в строчках. Я лишь хочу сказать, что и тут Юля ни в чем не изменяет ни себе, ни своему — нашему — поколению. Она и на трибунах, совещаниях, в отношении к молодым соратникам тот же верный и порой яростный заступник, товарищ, боец.

«Друня» — говорится в эпиграфе к стихотворению под тем же названием — уменьшительная форма древне-

славянского имени «Дружина». Возможно, что так. Но
важнее другое — «В этом имени слышно: — Други! Я вас
вынесу из огня!»

Пролетали, как миг, столетья,
Царства таяли, словно лед...
Звали девочку Друней дети —
Шел тогда сорок первый год.
... ..
Пахло гарью в ночах июня,
Кровь и слезы несла река,
И смешливо, и нежно «Друня»
Звали парни сестру полка.
Точно эхо далекой песни,
Как видения, словно сны,
В этом прозвище вновь воскресли
Вдруг предания старины.
В этом прозвище — звон кольчуги,
В этом прозвище храп коня,
В этом прозвище слышно:
— Други!
Я вас вынесу из огня!

Этими строчками поэта Юлии Друниной — ибо
лучше о ней не скажешь — я и хочу закончить повесть
о Юле.

Марк Соболев

СТИХОТВОРЕНИЯ О ВОЙНЕ

ЗИНКА

1

Мы легли у разбитой ели.
Ждем, когда же начнет светлеть.
Под шинелью вдвоем теплее
На продрогшей, гнилой земле.

— Знаешь, Юлька, я — против грусти,
Но сегодня она не в счет.
Дома, в яблочном захолустье,
Мама, мамка моя живет.

У тебя есть друзья, любимый,
У меня — лишь она одна.
Пахнет в хате квашней и дымом,
За порогом бурлит весна.

Старой кажется: каждый кустик
Беспокойную дочку ждет...
Знаешь, Юлька, я — против грусти,
Но сегодня она не в счет.